

Псы господни (сборник)

Автор:

Валентин Пикуль

Псы господни (сборник)

Валентин Саввич Пикуль

Россия, истерзанная безумным Иваном Грозным, измученная опричниной... Испания, выжженная кострами инквизиции – опоры трона Филиппа II... Страшное время религиозной истерии и болезненного распутства, бесконечных войн, казней – и, как ни странно, неподдельного, чистого, высокого экстаза тех, кому еще только предстоит стать мучениками за Веру – не важно, православную или католическую... «Псы господни» – не издававшийся при жизни роман гения отечественной исторической прозы В. Пикуля!

Валентин Пикуль

Псы господни

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Псы господни

Такой заголовок дал автор своему роману, начало работы над которым относится к концу 1980 года. Свеча жизни писателя догорела раньше, чем он поставил в нем последнюю точку. Вот и лежит сейчас передо мной извлеченная из архива рукопись незавершенного романа Валентина Пикуля.

Разбираю многочисленные бумаги с материалами, относящимися к роману, среди которых заметки, цитаты, «почасовик», программы (минимум и максимум), обширная библиография, десяток портретов. Почти везде будущее произведение значится под этим названием. Сама рукопись – более двухсот страниц уже отпечатанной и правленной Валентином Саввичем первой книги.

Особо следует остановиться на «почасовике» – так называл Валентин Саввич составляемый им на каждое новое произведение рабочий план, из которого было ясно, какие события происходили в тот или иной год и даже день, с кем встречался герой и о чем они говорили, где можно прочесть об этом событии или герое. Просмотрев «почасовик», можно иметь довольно полное представление о содержании книги. Именно создание «почасовика» требовало огромного многолетнего труда, знаний, таланта. А сам процесс написания книги по подробному «почасовику» был для Пикуля, как говорится, делом техники.

Роман шел трудно, с большим физическим и нервным напряжением. На протяжении десяти лет жизни Пикуль трижды возвращался к этой теме, интересовавшей его не только как писателя, но и как историка-исследователя, заставляя много анализировать, сопоставлять с современностью, чтобы дать ответ на постоянно мучившие его вопросы: кто такие иезуиты, откуда и с чем пришли к нам, какую роль сыграли в истории нашего Отечества и Западной Европы. Рассыпать на мелкие камешки, удобные для рассмотрения, такую огромнейшую глыбу «за один присест» Пикулю оказалось не по силам.

Кроме того, Валентин Саввич всегда был полон планов и замыслов. Траектория полета его мыслей была непредсказуема. Когда работа над одним романом подходила к концу или он уставал жить в описываемой эпохе, у него в голове уже созревал другой роман, о котором Пикуль говорил вначале осторожно, исподволь, а потом все более отчетливо, настойчиво. Начинал собирать литературу и с упоением брался за освоение очередной темы. Но... вдруг высвечивалась новая идея, казавшаяся более грандиозной, и уже изученное, продуманное и осмысленное откладывалось в сторону – на время.

На первом этапе работы писатель пытался выяснить первопричину зарождения ордена иезуитов, стремясь докопаться до самой сути, однако при изучении первоисточников он столкнулся со многими неизвестными явлениями, объяснения которых не только не проливали свет, а напротив, – были, по мнению Пикуля, искусной попыткой завуалировать истину.

Здесь считаю уместным дать небольшую справку об иезуитах, наподобие той, что в самом начале давал мне Пикуль, «вводя меня в курс».

Быстрое распространение протестантства по государствам Европы вызвало соответствующую реакцию со стороны католической церкви. Как противодействие, препятствующее распространению нового религиозного течения, явилось рождение целого католического учреждения – ордена иезуитов.

Испанский дворянин, происходивший из самого древнейшего аристократического рода, Игнатий Лойола стал основателем иезуитского ордена.

В 1540 году папа Павел III утвердил устав нового монашеского общества под названием Общества Иисуса (*Societas Jesu*), хотя само название членов общества иезуитов вошло в обиход уже после смерти Игнатия Лойолы.

Иезуиты получили от папы огромные права: всюду проповедовали свои идеи, совершали богослужения, исповедовали кающихся и давали обряд причащения.

В XVI–XVII веках иезуитов можно было видеть повсюду – в Европе, Азии, Латинской Америке. Часто они заседали в кабинетах государей и были их духовниками. Постепенно они завладели сердцами юношества и стали их духовными учителями. Но где бы иезуиты ни находились, чем бы они ни занимались, у них всегда была высшая цель, которой они добивались любыми средствами, – спасение католической церкви.

Орден Игнатия Лойолы за четыре с половиной века своего существования был завязан в самых запутанных узлах политики Ватикана. Ныне орден переживает трудные времена. До недавних пор в рядах иезуитов насчитывалось 26 тысяч человек, и их количество уменьшается. В настоящее время 29-й генерал ордена,

голландец по национальности, Петер-Ханс Кольенбах избран на этот высокий пост в сентябре 1983 года.

Заканчивая небольшую справку об иезуитах, хочется сказать: «став рабами собственного заблуждения, они остаются верными ему до конца».

Постоянные ночные раздумья над рукописью, каждый вновь открытый источник информации в преломлении к дню сегодняшнему постепенно меняли некоторые версии его взгляда на то или иное событие и на все произведение в целом, что нашло отражение в многочисленных поправках и исправлениях на полях.

В этом читатель может сам воочию убедиться, взглянув на публикуемые здесь фотокопии титульных листов рукописи, к разговору о которых мы еще вернемся.

Своеобразным толчком к написанию романа об иезуитах явилась, несомненно, публикация в журнале «Наш современник» за 1979 год урезанной «Нечистой силы» под названием «У последней черты».

Валентин Саввич мог предполагать, что данное произведение вызовет определенный резонанс, но чтобы до такой степени, как оказалось в реальности, – такого он не ожидал: сначала в бой пошла «тяжелая артиллерия» в лице Суслова и Зимянина, а вслед за ними на Пикуля ополчилась всегда готовая выполнить команду хозяев пресса.

Возникло далекое от джентльменских принципов единоборство: с одной стороны писатель-одиночка, а с другой – целая армия критиков, интерпретирующих все события только с позиций «разрешенного» мировоззрения, что неизменно делало необходимым привлечение в помощники «госпожи фальсификации».

Да и многие собратья по перу открыто и откровенно издевались над писателем, не имевшим не только диплома, но и аттестата зрелости – он для них был «белой вороной».

Отношение к Пикулю и его творчеству резко изменилось. Но сам автор был уверен в правоте своего дела и ни на какие компромиссы с совестью не шел, не сдавался, отстаивал свои взгляды.

Второй немаловажной причиной, толкнувшей Валентина Саввича к этой теме, были «белые пятна» нашей истории. Проникновение иезуитов в Россию представлялось Валентину Саввичу именно таким «пятном».

В обстановке окриков сверху, под постоянным давлением прессы Пикуль чувствовал себя весьма неуютно. На душе было гадко и беспокойно.

«Псы господни». Да такое не напечатают только из-за названия.

Отступив на некоторое время от политической борьбы, изменив на время тактику, Валентин Саввич сел и написал сентиментальный роман «Три возраста Окини-сан», заканчивая который он уже вынашивал идею окунуться в эпоху Ивана Грозного. Все чаще у него возникало желание уйти подальше от действительности, зарыться в глубь веков – именно там Пикуль чувствовал себя спокойно.

– Сейчас хочу взяться за трудный и очень сложный период отечественной истории, который мало отражен в нашей художественной и исторической литературе, – поведал он мне.

– Куда же теперь держишь путь и кто будет твоим кумиром?

– Моими героями будут иезуиты и опричники. Место действия – Европа, а время – средние века. Посмотри, что есть об иезуитах в том периоде у тебя в библиотеке.

Из отобранных мною восьми книг и продиктованных по телефону, Валентин Саввич попросил принести только пять:

Григулевич И. Крест и меч.

Тонди А. Иезуиты.

Ватикан в прошлом и настоящем.

Инфессура. Дневники.

Михневич Д. Очерки из истории католической реакции (иезуиты).

Смотрю запись в дневнике тех времен:

«Валентин Саввич собирает литературу по иезуитам. Были в букинистическом – ничего подходящего не нашли». 23.11.1980.

Однако пора вернуться к рукописи незавершенного романа, к его титульным листам. Тщательное исследование их представляет, по-моему, определенный интерес.

«ПСЫ ГОСПОДНИ» – печатает Валентин Пикуль на титульном листе название своего произведения и в подзаголовке указывает вид жанра – исторический роман. Вверху эпиграф: «Смерть в одном столетии дарует мне жизнь во всех веках грядущих». Джордано Бруно. (Впоследствии Пикуль ручкой допишет: «Слова перед казнью».)

Идет работа по накоплению и переосмысливанию собранного в голове материала. В какой-то момент задача кажется невыполнимой, и серьезное слово «роман» заменяется на скромное – «рассказ», которое, в свою очередь, спустя некоторое время уступает место более оптимистичному – «повествование».

В 1982 году из глубин веков тема иезуитов вновь всплывает на поверхность творческой биографии писателя. Если в первый раз он хотел рассказать о зарождении ордена иезуитов и их проникновении сначала в Польшу, а затем в Россию, то на сей раз задача намного усложнялась. Писатель ставит перед собой задачу расширить временные, биографические и исторические рамки произведения, осветить более продолжительный отрезок времени – целый век. «Целый век» – вносит Пикуль новое название и сверху печатает равноценное по смыслу – «столетие».

По сравнению с первым, эти названия звучат более приглушенно и не так резко воздействуют на слух. Этим в некоторой степени нейтральным заголовком автор хотел завуалировать от внешнего мира содержание книги, чтобы облегчить прохождение рукописи по инстанциям, предшествующим публикации.

В 1986 году, едва оправившись от обширного инфаркта, Валентин Саввич вновь берется за свой многострадальный труд. Вернула его к этому книга Андрея Никитина «Точка зрения», которую я принесла ему из библиотеки. Вникнув в тематику книги, писатель полностью влез в нее, отрываясь только для похода на кухню за чаем.

Книга пришлась ему по душе. Читая ее, он что-то подчеркивал, часто останавливался, раздумывал.

– Талантливый писатель, хорошо знающий и превосходно чувствовавший эпоху. С его выводами я вполне согласен, – заключил он, проштудировав книгу.

Тогда и вынес автор на титульный лист цитату из этой книги: «Почему мы об этом ничего не знаем?

А почему мы должны об этом знать?

Можно удивляться, что мы вообще что-то знаем о том времени!»

Однако в дальнейшем, в 1989 году, при очередной доработке рукописи Пикуль уберет цитату «в другую часть». Приходится только сожалеть, что приступить к другой части ему так и не удалось. Он закончил только первую книгу – «На кострах», эпиграфом к которой использовал слова из Евангелия от Матфея. На титульном листе появится и цитата Д. Неру из книги «Взгляд на всемирную историю», но самое существенное – изменение подзаголовка. Теперь жанр произведения определяется автором как историческая панорама. А это означает, что за плечами его создателя стоит нечто существенное.

Существует еще второй титульный лист, который автор завел в конце 1989 года. С первого – на него перенесены слова Д. Неру и добавлена цитата из Стефано Инфессура:

«И многое другое рассказывают, о чем я здесь пишу, потому что это, может быть, неправда, а если и правда, то этому трудно поверить».

Но самое интересное – это продолжение поисков названия своего произведения, начинающего постепенно «толстеть».

Первое – «На кострах» – зачеркивается и присваивается как название книге первой, а вместо него появляется целый набор вариантов: «Псы», «Кровь», «Жестокий роман», «Власть – жестокая вещь», «Мрак», «Во мраке крадучись».

Небезынтересно все же проследить за движением писательской мысли. К несчастью, уже остановившейся...

Несмотря на множество заголовков произведения, суть его одна – это роман об иезуитах и об опричниках Ивана Грозного.

Почти все книги Валентина Саввича связаны с современностью или написаны под непосредственным влиянием событий сегодняшнего дня. И в этом романе хорошо просматривается связь с современностью. В 80-е годы Пикуль отчетливо видел нарастающие «смуты» в нашем обществе, что не могло не беспокоить писателя. И чем глубже он проникал в эпоху Средневековья, тем больше находил он там штрихов, присущих дню сегодняшнему, тем беспросветней и мрачней были его взгляды на нашу перестройку. Скорее всего, поэтому роман и остался незаконченным, ибо автор предчувствовал бесплодность своих попыток донести до людей свои сокровенные мысли.

– Какое, милый мой, у вас тысячелетие на дворе? – обычно спрашивала я, входя в кабинет Валентина Саввича.

И он охотно делился со мной творческими планами, с радостью делился успехами, огорчался неудачам, читал отрывки и главы уже написанного, рассказывал содержание прочитанных им книг, советовал, а иногда рекомендовал «в обязательном порядке» прочесть тот или иной источник. Изредка контурно очерчивал содержание последующих глав и книг.

На основании этой информированности, оставшихся черновиков и дневниковых записей хочу поделиться с читателями некоторыми мыслями о романе, полностью которого уже никто никогда не прочтет.

В этом произведении Валентин Пикуль использует уже примененный им в романе «Честь имею» прием. Обнаруженная рукопись на староиспанском языке приоткрывает многие тайные пружины того времени: хитросплетения политики и войн, роль религии в завоевании мира и в судьбах отдельных людей.

Куэвас – так зовут иезуита, от имени которого ведется повествование, помог автору вжиться в обстановку того далекого времени, проведя его по «тайным иезуитским тронам», чтобы вместе с ним стать свидетелем многих исторических событий.

Хотя сам процесс распространения идей иезуитов не получил в рукописи полного развития (ибо написана только треть романа), однако и по имеющимся страницам читатель вполне может составить представление о взглядах и целях ордена иезуитов.

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность публикуемой рукописи. Разговор пойдет о сравнениях.

Много общих черт нашел автор у короля Филиппа II и Ивана Грозного: «Оба с оригинальной жестокостью не щадили людей... только один мерзавец уничтожал народ с помощью инквизиции, а другой – с помощью опричнины».

Многие слова, вложенные Пикулем в уста своих героев, произносимые из глубины XVI века, звучат потрясающе современно и даже крамольно.

А это уже обличение нашей реальности: «Многие ученые мужи зарабатывали себе научные степени, украшались значками лауреатов и орденами, получали звания академиков потому, что многие из них ценили «подвиги» Ивана Грозного. Все продались, только один академик Веселовский назвал вещи своими именами, но его не печатали».

По замыслу автора роман должен был состоять из трех книг.

«На кострах» – первая из них. Она охватывает период с момента зарождения ордена иезуитов и до 1583 года – года рождения Валленштейна, поскольку многие страницы романа должны были рассказывать о тридцатилетней войне.

Сделаю небольшое отступление...

Сейчас мы не представляем свою жизнь без... картошки. В этой части Валентин Саввич хотел подробно поведать читателю о том, когда и каким образом появился картофель в нашей стране. Написав несколько страниц, автор понял,

что рассказ о картофеле уводит его в сторону от основной идеи. Ничуть не сожалея об этом, он изъял упомянутые страницы, пообещав мне написать со временем миниатюру «Картофельные бунты» (сказал: «О твоей любимой картошке»).

«Смутное время» – такой заголовок дал автор второй книге романа. Заголовок немного раскрывает содержание.

В прологе к этой части Валентин Саввич, вводя читателя в повествование, планировал рассказать о разорении России, бегстве людей с насиженных мест и, наконец, появлении Ермака.

А начать книгу Пикуль хотел со смерти Ивана Грозного в 1584 году. Хронологические рамки второй книги должны были охватить период до 1613 года – знаменательного года восхождения на престол рода Романовых.

В планах и набросках третья книга имеет название «Разрушение». Продолжая хронологию предыдущей, третья книга должна была охватить период с 1613 до 1634 года – времени убийства Альбрехта Валленштейна. Здесь предусматривалось полностью осветить тридцатилетнюю войну, так мало знакомую по нашей документальной романистике.

«Исторической памяти не противопоказано воображение: важно только, чтобы оно было историческим».

Уверена, что писатель Валентин Пикуль в полной мере обладал и тем и другим.

Приходится только сожалеть, что ему не удалось осуществить задуманный план, но и по представленным главам читатель может судить о том, за какие огромные пласты истории России и Европы брался неутомимый, неугомонный, часто перегибающий палку – в том месте, где хотел ее сломать – Валентин Саввич Пикуль.

Однажды совсем неожиданно сказал:

– Роман «Псы господни» я хочу посвятить памяти Ярослава Галана.

Для меня это сообщение было весьма странным. Я даже не смогла сразу найти подходящий для такого момента вопрос, а Валентин Саввич продолжал свою мысль:

– Для меня он является образцом писателя-труженика, мне импонирует его образ жизни и мыслей, я ощущаю какое-то духовное с ним родство. Не помню, где я вычитал, что при завершении очередной своей вещи в его голове уже созрела мысль о другой. Заметь, у меня получается то же самое. И я считаю это правильным. Если писатель мыслит только об одной теме или книжке, то это, простите, слишком «узколобо». Надо видеть и дальше, и глубже, и выше... А его смерть... Она потрясла меня. Всякое возможно, кому что на роду написано, но он умер на посту... и я мечтаю умереть с согбенной спиной за рабочим столом...

Эти слова стали пророческими.

Антонина Пикуль

Книга первая

На кострах

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч;

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.

И враги человеку – домашние его.

Евангелие от Матфея. X, 34, 35, 36

Если встретите сопротивление, то разведите такой костер, чтобы даже у ангелов загорелись ноги и чтобы звезды расплавились на небесах.

Иезуит Форер

Пролог. Все дороги ведут в Рим

Его звали Иниго дон Лопец-и-Рекальдо, хотя в истории мира и человеческих отношений он вошел с кратким, но чересчур выразительным именем – Игнатий Лойола.

Бедный испанский идальго начинал карьеру в городе Аревале, будучи пажом при дворе кастильского казначея дона Веласко, и писал стихи о своих чувствах к недоступной донье Грасии де-Авила, перед красотой которой все другие женщины выглядели как осколки разбитого зеркала перед сверкающим бриллиантом. Тогда – еще молодой – Лойола рассуждал:

– Как жить без славы? Я хочу, чтобы от Лимы до Толедо восхищались мною, чтобы донья Грасия хоть раз улыбнулась мне в церкви, чтобы вся Кастилия говорила обо мне: «Ах, кто этот загадочный рыцарь? Скорее назовите нам даму его сердца...»

– Молчи, безумец! – остерегали его. – Всякое превосходство над другими приносит несчастье, и не выражай мысли слишком ясно, дабы не выглядеть грубым невеждой. Лучше говори невнятно, чтобы тебя сочли мудрецом.

Непомерное честолюбие увлекло Лойолу на войну. Ранней весной 1521 года французы вторглись в Наварру, и гарнизон Пампелуны увидел крепость в окружении костров враждебной армии. Мнение испанцев было далеко не рыцарское:

– Французов очень много. Пампелуну не удержать.

Но тут выступил Лойола. С поразительным красноречием он долго улаживал слух офицеров пылкими рассуждениями о неземном блаженстве для всех, кто

вручит свое пурпурное сердце пречистой Мадонне, и заключил свою речь словами:

– Молитвами и покаянием приготовим души заранее, дабы утром встретить врагов с высокомерием, подобающим испанцам!

Тонкая заря едва высветлила небеса над сумрачными Пиренеями, когда начальник французов, еще позевывая в железную перчатку, разглядел на валу крепости испанского кавалера со шпагой и молитвенником. Он даже обрадовался ему:

– А вот и первый кастильский невежа, которому всю ночь не лежалось на соломе... Ну-ка! – велел он артиллерии. – Затолкайте в бомбарду самое тяжелое ядро – сейчас мы из этого глупца сделаем что-либо достойное удивления...

Валганг крепости, восприняв мощный удар, разрушился под Лойолой, а второе ядро раздробило ему правую ногу. С грохотом сыпались камни бастиона, шумно стекала вниз песочная лавина. Нещадно избиваемый камнями и глотая песок, Лойола низвергся с высоты – обвалом стены ему расплющило и левую ногу. Очнулся в плену. Французские врачи перевязали идальго, офицеры любезно осведомились – далек ли его дом от Пампелуны?

– Я из провинции Гвипускоа, – с гордостью отвечал Лойола, – там, высоко в горах басков, находится замок моего знатного рода «Лойола», где я и предстал на суд божий...

Узкими козьими тропами, по самому краю горных ущелий, его долго несли до нищенского замка. Лойола заметил, что правая его нога уродливо скрючилась. Хирурги решили:

– Переделывать поздно – кости уже срослись.

– Так ломайте же их! – велел Иниго...

Изуродованную ногу зажали между досок, ударами молота ее раскололи возле голени. В муках миновало лето. Но однажды, пробуя встать с постели, Лойола ужаснулся: правая нога стала короче левой, а над коленом нависла безобразная

опухоль.

– Ломайте ногу еще раз, – сказал он врачам.

Его оглушили крепким вином, но Лойола все равно слышал хруст своих костей, он ощутил движение ножа, вырезавшего опухоль. Однако правая нога так и осталась короче левой.

– Вы видели старинный ворот, каким вынимают кувшины с водой из бездонного колодца? – спросил идалго врачей. – Такой же ворот поставим в спальне, и пусть он вытягивает мне ногу.

Привязав себя к кровати, он мученически наблюдал, как вращается колесо, наматывая на себя веревки, которые обхватывали искалеченную ногу. Боль, боль, боль – и ничего, кроме боли да скрипа колеса. Все эти муки Лойола выносил со стойкостью перуанского индейца. А весной просил у отца рыцарских романов – для чтения:

– Хотя бы Васко де-Лабейро – об Амадисе Галльском...

Бельтрам дон-Лойола верхом на муле объехал окрестности, но сумел раздобыть для сына лишь две книги духовного содержания. Иниго безразлично полистал ветхие страницы:

– Где же тут подвиги? Все скучно и непонятно...

Неясные миражи рыцарской славы и любви капризных красавиц Валенсии и Арагоны иногда еще ярко вспыхивали в фантазии калеки, мало-помалу угасая в бесплодном бессилии. Он все же раскрыл книгу Рудольфа Саксонца о жизни Христа, вникая в мудрость легенд, но в одну из ночей ощутил толчок, будто под ним снова обрушился валганг Пампелуны.

– Что со мною? – спросил он себя, и вдруг весь сжался в экстазе радости от сознания, что ворота к славе, до этого закрытые перед ним, эти жалкие гнилые ворота уже давно сбиты с ржавых петель. – Ведь если святой Франциск, – здраво рассуждал Лойола, – основал орден Францисканцев, а святой Доминик – доминиканскую конгрегацию, то почему же я, как и они, не волен стать вождем

нового могучего ордена Римской церкви? Разве престол папы не нуждается в псах господних, которые бы изгрызли на острых клыках любую ересь?..

Призывы боевых труб заменили голоса мессы, а земные прелести недоступной Грасии де-Авила он как бы умышленно заслонил перед собой скорбною красотой Мадонны, – так возник новый идеал служения! Нет в мире историка, который бы не признал, что сила воли этого изуродованного человека была колоссальна... Но ведь нужна еще святость.

– Для этого навещу Иерусалим, – решил Лойола.

В каталонской обители Монтсеррата он оставил у алтаря свои панцири и шпагу. Его путь лежал в Барселону, где царила чума (корабли, идущие на Восток, не покидали гаваней). В доме святой Люции идальго по семь часов не поднимался с колен, трижды в сутки бичуя себя столь безжалостно, что кровь обрызгала стены комнаты. С протянутой рукой он стоял на паперти, взывая к прохожим о милостыне. Лойола перестал мыться, он уже не стриг ногтей, длинные волосы спадали на глаза. К уродству ног прибавилась острая боль в печени и зубная боль, нестерпимая. Ему было так тяжело, что в один из дней он даже хотел выброситься из окна...

Увы, никто не замечал его святости. Свое красноречие он испытал пока на знатных дамах Барселоны, и одна из них, не выдержав укоров в беспутстве, даже упала в длительный обморок, после чего муж этой дамы избил Лойолу палкою, как худую собаку. Из этого случая последовал первый вывод: желая успеха в проповеди, никогда не утверждай, что грех наказуем, а, напротив, старайся оправдать любое прегрешение, и тогда в твоих услугах станут нуждаться многие.

Через год, истомленный жаждой и качкою, после опасного плавания в море, наполненном берберийскими пиратами, Лойола достиг Палестины, желая обращать «неверных» в христианство. Здесь его жестоко высмеял местный нунций-францисканец:

– Таких глупцов, как ты, турки сажают на кол, предварительно смазав его свиным жиром. Сходи на базар – там уже торчат подобные тебе проповедники. На солнцепеке они превратились в пергамент, а мальчишки, пробегая мимо, к великой радости торговцев, раскручивают их на кольях, вроде забавных

вертушек, которые трещат на ветру барабанной шкурой...

Лойола вернулся на родину. В городе Алькала-Генарас, где размещался университет, он тайно посещал мавританские молельни, в синагогах беседовал с раввинами. Из верований, чуждых христианству, Иниго выбирал самое характерное, что полезно использовать в практике будущего Ордена (который еще не имел ни устава, ни названия). Первых прозелитов он приобрел из студентов, сам исповедовал их, сам и причащал. При этом Лойола неделями постился, истязая чахлаю плоть, и без того немощную, он покрывал свое немытое тело страстными поцелуями, а потом истступленно бичевал себя слева направо, вдоль и поперек, покрываясь рубцами и кровью...

Инквизиция схватила Лойолу и бросила его в подвал!

Сначала его навел палач с большими клещами:

– Священному трибуналу известно, что ты, заблудший в ереси, страдаешь зубами. Открой рот пошире – мы спасаем здесь не только души, но умеем облегчать и муки телесные.

С хрустом он выломал из челюсти Лойолы три гнилых зуба, а заодно и четыре здоровых. В трибунале генеральный викарий Родригес откровенно беседовал с Лойолой:

– У меня распухла тюрьма от еретиков, и мне лень заниматься чепухой, которую ты несешь от голода и несчастий, ниспосланных тебе для испытания свыше. Ты подозрителен для церкви, но виноват лишь неумеренным служением Мадонне: выделяя богородицу, не забывай и сына ее, Иисуса Сладчайшего!

А через год Лойолу снова арестовали. С калеки содрали одежду, нагишом запихнули в бочку с двумя отверстиями: через одно кормили, через другое он оправлял надобности. На столе инквизитора лежало, взятое при обыске, первое сочинение Лойолы по названию «Exercitia Spirituata» (что означает «Духовные упражнения»). Инквизиторы спросили:

– О чем ты пишешь тут, несчастный?

– Я пишу о том, что каждый человек должен уметь управлять собой, а, научившись этому, он будет управлять другими...

Родригес оплевал его университетский матрикул:

– Твои успехи в науках ничтожны. Где же тебе учиться, если ты, говорят, по три дня подряд сидишь, безмолвно уставившись глазами в стенку, и что-то бормочешь.

– Ваше святейшество, но после личного общения с самой Мадонной, скажите, разве же можно познать что-либо более мудрое из профессорских нотаций? Достаточно, что я мыслю, и меня подводят ноги, но голова – никогда!

– Тебя, как петуха в навоз, тянет в ересь.

Лойола храбро защищал себя перед трибуналом:

– Если бы я выразил противоположное тому, что мною сказано, вы бы все равно нашли повод обвинить меня в ереси.

– А кто позволил тебе отпускать грехи людям?

– Если не отпущу их я, вы их никогда не отпустите.

Тут его стали избивать с криками:

– Не смей возвышать себя над святым порогом Рима!

Палач аккуратно раскаливал на огне клещи, его ученик налаживал лавку для пытки водою. Лойола не сдавался:

– Я еще буду стоять выше Рима! – возвестил он.

Викарий Родригес устало откинулся в кресле:

– Скажи, ты нарочно притворяешься слабоумным?

– Мое состояние, кажущееся ненормальным, вполне угодно Господу Богу. Науке же еще не открыто, как понимать дурной порядок вещей, что окружает нас...
Говорить ли мне далее?

– Говори, – ободрил его викарий. – Ведь с каждым словом ты приближаешься к той куче хвороста, на которой во славу божию я превращу тебя в горсть горячего пепла...

Но трибунал, после опроса свидетелей, счел Лойолу фанатиком, помешанным на мистике, которая усилена физическими недугами, и на этом основании он был выпущен из тюрьмы. От надзора инквизиции Лойола спасался в университете Саламанки, куда увлек за собой и своих учеников. Его страстные проповеди не пошли им на пользу: трое неофитов впали в жестокую меланхолию, один повесился, пятый, заморив себя аскетизмом, превратился в скелет, а другие впали в разные непотребства. Опыт создания монашеского братства закончился ужасно: жизнерадостные саламанские студенты дважды высекли Лойолу от имени двух факультетов – теологии и философии. Публичная экзекуция сопровождалась унижительными сентенциями:

– Философам и богословам противны твои проповеди, после которых страшно пить вино и смотреть на женщин. Будь же ты облачен презрением нашим, как саваном, и да войдет проклятие, как вода, в утробу твою и, как елей, в изломанные кости твои!

Из сечения следовал второй вывод: будущий Орден не должен придерживаться аскетизма монашеского, человеку свойственно давать выход земным страстям. Но тут снова последовал донос в инквизицию на Лойолу – как на богомерзкого еретика и совратителя, а потому следовало опять спасаться.

Лойола собрал своих перепуганных адептов:

– Будьте готовы бежать – в Париж! Завтра утром...

Утром он напрасно ожидал у заставы – никто из апостолов не спешил за своим «спасителем». Лойола тронулся в путь один. В дороге он переосмыслил все свое поведение, сиюсь отыскать причину неудач. Из размышлений сложился третий правильный вывод: если хочешь иметь верных прозелитов, не ищи их среди

людей, безвольно подчиняющихся твоей воле, а находи их в личностях с развитым самосознанием, и, только поборов их своим убеждением, можно рассчитывать, что они уверуют в тебя, не предавая тайнств твоих...

Игнатию Лойоле было в это время уже 37 лет!

У ворот Парижа его окликнули стражники города:

- Кто ты есть, бедный путник, и с чем идешь?

- Богослов из Саламанки, ищу мудрости в Сорбонне...

Здесь, в средоточии католической философии, Лойола распознал то, что в Испании церковь старалась утаивать. Строительство в Риме знаменитого собора Св. Петра затянулось, ибо владыкам Ватикана, утопавшим в роскоши, о какой не смели мечтать даже короли, не хватало денег. Ватикан пустил в продажу индульгенции, которыми торговали по Европе бродячие капуцины.

- Эй! - вопили они на базарных площадях. - Разве кто из вас не без греха? Или ты ничего в жизни не украл или не соблазнил жену своего приятеля? Так не будь дураком, купи у меня хотя бы одну такую бумажку, дабы познать царство небесное...

Вот тогда в немецком Виттенберге появился мрачный и разгневанный Мартин Лютер с молотком в руке. На воротах церкви он гвоздями приколотил свои 95 тезисов. Лютер не щадил папу, обличая его в разврате и клевете, а все духовенство Рима выставил на всеобщее поругание, как шайку разбойников. Он открыто призывал людей не верить ни единому слову Ватикана, а внимать только своей человеческой совести. Рим - по словам Лютера - никак не может служить посредником между богом и человеком.

- Вам, - убеждал он прихожан, - запрещают читать даже Библию, а вместо этого пьяные попы забивают головы всякой дурью, придуманной самим папой и его кардиналами. Отвернемся же от Рима, как от скверной падали, веря только самому Господу Богу...

С этих «тезисов» началось победное шествие Реформации по всем странам. Антипапские учения суровых вождей протестантства отвоевывали у Рима миллионы верующих, а вместе с их душами Ватикан терял и миллионы кошельков, раньше щедро для него открытых. Озабоченная этим расколом католической церкви, теперь профессура Сорбонны открыто вещала с научных кафедр:

– Лютеране уже выбежали за ограду церкви и обратно в наши храмы их не вернуть. Но их можно загнать туда огнем и мечом!

Лойола ходил с помощью двух костылей. Он резко выделялся среди сорбонских школяров – изможденный человек маленького роста (158 см), с некрасивым остреньким личиком, беззубый и рано полысевший; когда его спрашивали, отчего у него нет друзей, нет семьи и сердечных привязанностей, Лойола скромно отвечал:

– На вершинах гор всегда царит одиночество...

Неизменно пребывая в состоянии торжественного спокойствия, он проживал в атмосфере, которую сам же для себя создал и которую старательно населял призрачными галлюцинациями, управляя видениями с той же удивительной легкостью, с какой обыватели передвигают по комнатам мебель.

На этот раз он учился прилежно, и Сорбонна присвоила ему звание доктора богословских наук. Бывая на диспутах, Лойола сделал для себя еще одно умозаключение: его будущий Орден должен выступать обязательно под знаменами воинствующего католицизма, ополчась противу любой ереси – особенно лютеранской. Но теперь Лойола не спешил заманивать учеников в свои тенета. Он выискивал исключительно скептиков, достаточно познавших жизнь с ее изъянами, находил умеющих мыслить самостоятельно, и лишь немногих приближал к себе.

Однако ни с кем из своих учеников Лойола не вступал в дружбу, заранее отгородясь от них ролью вождя, отчего Франциск Ксавье однажды и заметил ему с явным упреком:

– Христос был доверительнее со своими апостолами.

– Верно! – согласился Лойола. – Но зато он и был предан Иудею за тридцать сребренников.

Монмартр в те далекие времена еще не был заселен парижанами, над ним шумел вековечный лес, в гущах которого приютилась скромная капелла Св. Лионисия. Сюда, в этот лес, 15 августа 1534 года пришел Иниго Лойола и привел за собой адептов своих. Была отслужена месса, а Лойола, раздавая причастие, взял с учеников священную клятву в верности папе римскому и... лично ему – Лойоле! Затем меж ними была Тайная вечеря, а Лойола сидел, как Иисус Христос между апостолами.

Он разлил вино и разломил хлеб на куски.

– Иуды среди нас не сыщется! – возвестил он. – А все дороги ведут в Рим, дабы получить благословение папы на создание нового Ордена.

Ученики спрашивали его, как называться Ордену:

– Наверное, лучше ему называться «Игнацианским»?

– Нет, лучше ему называться «Обществом Иисуса»...

От слова Iesu (Иисус) и родилось новое слово: иезуиты.

Появись в Риме, первые иезуиты дежурили по ночам в госпиталях, не боясь заразных болезней, бесплатно выкапывали могилы для бедняков, открыли приют для сирот и подкидышей. Лойола открыл особую миссию для крещения иудеев, а в обители Святой Марфы щедро отпускал все грехи проституткам, желавшим выйти замуж. Своим адептам он внушал, что нужен момент:

– Когда мы станем всем для всех, дабы завоевать всех...

Папа римский Павел III (из династии Фарнезе) ознакомился с планами будущего ордена Лойолы и воскликнул:

– Какие же это монахи? Это, скорее, псы господни, которые будут беречь меня, наместника божия...

Орден иезуитов был утвержден папою в 1540 году (за несколько лет до смерти Мартина Лютера). При этом ни одна кошка в Европе не пошевелилась, но судьба миллионов людей была решена с появлением «псов господних», которые быстро разбегались по всему миру.

Что же мне, автору, остается делать?

Желая остаться искренним и достоверным в своих описаниях, наверное, я должен и сам обратиться в иезуита.

Подобно своему учителю Иниго Лойоле, я на развилке дорог между Валенсией и Каталонией, там, где презренный мавр был сожжен за оскорбление короля, отпускаю поводья своего усталого мула – пусть он сам изберет для меня дорогу.

Глупое животное, повинувшись внушениям свыше, завезло меня к воротам обители Монтсеррата, и там, у священного алтаря, я увидел панцирь и шпагу, которые оставил здесь Лойола, чтобы поклоняться пречистой Мадонне...

Так я оказался в гиблом шестнадцатом столетии.

1. Моя любовь – моя Европа

Я родился под знаком единения Сатурна с Марсом, когда гороскопы указывали явное безразличие Меркурия к делам земным, отчего астрологи Бамберга и Саламанки предсказывали падение нравов и торговли, оживление плутовства и еретического чародейства. Так и случилось! Только в Валенсии сожгли сразу сорок монахинь заодно с их канониссой, которая 483 раза совокуплялась с инкубом, имевшим голову козла, получая от него невыразимое наслаждение.

Тогда же было замечено, что в Тулузе развелось множество черных котов, яростно вырывавшихся из рук истинно верующих, а в Авиньоне, славном ученостью, появились странные вдовы, которые с нескромными песнями залезали на высокие деревья, но спускались на землю вниз головами, как ящеры. Меркурий на все ухищрения Сатаны взирал равнодушно, и только вмешательство инквизиции спасло несчастную Бургундию, где пришлось

распалить костры сразу на девятьсот персон, среди которых были даже пятилетние девочки, – и все они, после пытки водой и огнем, смиренно покаялись в тех невыразимых мерзостях, которые они творили в каждое новолуние, общаясь с дьяволом...

Впереди я вижу только могилу свою и себя в ней – там вечная тишина, в которой отсутствуют даже воспоминания. Оглядываясь же назад, я опять вижу себя, но еще молодым, все было исполнено движения, треска полыхающих костров и стука бранных мечей. Увы, мой путь завершен! Как сказано в древней греческой эпитафии: «Я обрел пристанище. Простите, надежды и счастье. Ничего уже нет у меня с вами общего. Теперь обманывайте других!» Смирненно выжидая смертного часа, предамся последней радости – воспоминаниям...

Думал ли я, появясь на свет божий, что на моих же глазах исполнится пророчество от Исаяи: «Цари и царицы лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих. Будешь насыщаться молоком народов земных и груди царские сосать станешь. И люди твои навек наследуют эту землю...»

Примерно так начинается эта ветхая рукопись; я говорю – примерно, ибо, писанная на староиспанском языке, она оказалась очень трудна для перевода на русский. Из рукописи мне стало известно, что ее автор – видный иезуит – был отлично извещен во многих тайнах своего времени. Каталонец происхождением, он, как это и водилось среди испанских дворян-идальго, имел длинную, даже замысловатую фамилию, но мы будем называть его кратко – Куэвас!

Он нашел успокоение в иезуитских колониях Парагвая, и многое расскажет о себе сам. Но мне, автору, надобно совместить самого себя с мировоззрением своего героя, дабы объяснить читателю реальную обстановку в Европе, о которой иезуит – по сути своего ремесла – не везде сказал правду. Таким образом, мне придется следовать за Куэвасом тайными иезуитскими тропами, заводящими меня в дремучие дебри невежества и просвещения, войн и политики. Как и моему герою, мне предстояло вжиться в ту эпоху, которая для Куэваса была его временем, а для меня там все исполнено загадок и трагических недомолвок...

Но прежде всего нам следует навестить старушку Европу!

Конечно, древнюю Европу можно и ненавидеть.

Но лучше будем ее беречь, понимать и любить.

Для нас, европейцев, она, пусть даже проклинаемая, вечно останется нашей общей матерью, и судьба ее – это наша общая судьба, это храмы и кладбища предков, это наши корни, уходящие в глубину веков. Но именно туда, в эту загадочную пропасть былого, жутко заглядывать нам, живущим сегодня. В торжественных залах Лувра, Эрмитажа, Прадо, пинакотеках Мюнхена или Дрездена мы стараемся вникнуть в портреты предков... Люди, неужели вы жили, как мы?

А какие вы были? Лучше нас? Или хуже нас?

Нелегко вживаться в прошлое и пытаться думать, как мыслили задолго до меня, чтобы понять непонятное, чтобы полюбить ненавистное. Люди, давно истлевшие, были никак не глупее нас, читатель. Правда, они не знали того, что знаем теперь мы, но зато мы не знаем того, что знали они...

Екатерине Медичи, дочери флорентийского герцога, было 14 лет, когда папа римский Климент VII, сам будучи из рода Медичи, устроил ей выгодный брак с Генрихом, дофином Франции. Девочка, уже славная в Италии своим распутством, повезла в Париж коллекцию уникальных ядов для будущих недругов и хорошую библиотеку, в которой были книги об архитектуре и лечении любовно-страстной болезни, которая тогда называлась «неаполитанской», а позже именовали «французской». В дороге она перечитала «Пророчества Сибиллы», руководство по игре в шахматы и морской навигации, изучила научный трактат «Об искусстве иметь красивых детей». Опасаясь за темперамент племянницы, папа римский сам и довез невесту до Марселя, где со вздохом облегчения сдал ее на руки дофину. Духовник будущей королевы Франции был очень удивлен, что в обширном багаже знатной флорентийки не нашлось местечка для молитвенника.

Но девочка показала ему «Принципы» Макиавелли:

– Разве это не заменит мне Библии? – спросила она...

Вернувшись в Рим, папа малость побряхтел и умер от яда. В таких случаях кардиналы не сомневаются, что отравление выгодно тому, кто займет свободный

престол наместника божия. Но Александр Фарнезе отказывался от папской тиары, говоря, что не сегодня, так завтра умрет. Он занимался астрологией и некромантией, окруженный дымом алхимиков, призраками магии и похабными памфлетами. Вот его и выбрали в папы, ибо никто из конклава не рассчитывал, что он долго протянет. С новым именем папы Павла III Александр Фарнезе моментально выздоровел. Он жил со своей дочерью Констанцией Фарнезе, и сын его, таким образом, доводился ему родным племянником; не разобравшись в собственной генеалогии, он блудил еще и с матерью, которая официально считалась его родной сестрою... Дорогой читатель, никогда не пытайся разобраться в генеалогии таких родов, как Борджиа, Сфорца, Медичи, Фарнезе, Гонзаго и прочих, – ты обязательно запутаешься, как запутывались и они сами! Недаром же в пасквильной эпитафии Лукреции Борджиа было сказано четко, а, вернее, совсем нечетко: «Она приходилась папе Александру дочерью, женой и невесткой».

Политические альянсы между государствами достигались тогда чаще всего посредством выгодных браков, обручений, помолвок. Семейные узы считались гарантией прочности союза. Павел III сосватал своего внука Оттавио с Маргаритой, прилюдной дочерью германского императора Карла V; другого внука Орацио женил на побочной дочери Генриха II, короля французского. Именно он утвердил Орден «псов господних», чтобы своим рычанием они устрашили «еретиков»; это он распалил костры инквизиции до небес. Распутник и обжора, папа с помощью пальцев извергал свою трапезу, чтобы снова усесться за стол. Обглоданные кости он щедро швырял в мешок:

– Мы их продадим дуракам, как мощи святых...

В политике, как и в любви, самые сложные вопросы разрешались с помощью ядов, секреты которых ныне утеряны. Яд мог поразить человека моментально и мог годами разлагать его заживо; в Европе, как и в Китае, был известен удивительный яд, который человека нормального роста постепенно превращал в карлика. В этом деле бывали и великие мастера! Цезарь Борджиа, разрезав пополам персик, половину его съедал сам, а потом выражал удивление, отчего умер его приятель, вкусивший от другой половинки персика. Здесь уже виден подлинный талант. Большой талант искусного отравителя...

На Руси правила вдовая литвинка Елена Глинская – умная, образованная женщина, которая из духоты московских теремов – первой! – осмелилась выйти на арену политической жизни. Воевала с королем Сигизмундом из-за Смоленска,

провела денежную реформу в стране, окружала рубежи поспешным созданием крепостей, жестоко подавляя любое недовольство бояр. При ней многие были сосланы, удавлены в тюрьмах, задушены дымом, погублены голодом, а иные просто разбежались, куда глаза глядят. Елена Глинская и открыла тот страшный синодик убиенных и замученных, который вскоре допишет ее сын – царь Иван IV Васильевич, по прозванию – Иван Грозный...

Глинская умерла молодой. И тоже от яда!

Европа! А какая она была тогда, эта Европа?

Дороги сохранились еще от римлян, имея стандартную ширину – чтобы проехал всадник, держа копьё поперек седла.

По этим дорогам история двигалась неторопливо.

История тех времен – нескончаемая хроника уголовных преступлений королей, курфюрстов, герцогов, маркграфов, пап, епископов и кардиналов. И чем больше пролито ими крови, тем больше надежд сохранить свое имя в анналах истории. Убийство редко бывало случайностью, а зрело обдуманном предприятием ради личных выгод, сама же «идея» массовых преступлений дала богатую пищу для будущих социологов, которые измучились в пыли архивов, не в силах догадаться о целях преступления.

Виноградные лозы Вакха переплели заодно древность Италии и Франции, они опутали и берега Рейна. Европа не знала водки, но вина пили много. Общественной гигиены еще не знали. Кучи мусора и навоза гнили на улицах, помои выплескивались из окон на головы прохожих. Будки уборных, подобно скворечникам, нависали над реками, и путник, проплывая на лодке, невольно созерцал выставленные напоказ дряхлые задницы стариков и румяные ягодицы невест. Пыль на дорожках, поднятая скачущим всадником, была единственным фактором загрязнения природы, об экологических бедствиях никто и не думал...

Самое опасное время – на стыках истории, но различные эпохи никогда не имеют четких рубежей; они размываются временем, как топкие берега приливами и отливами. На широком полотне Возрождения живописцы выписывали сочные картины гармонии человеческого счастья, а Средневековье еще удушало людей в траурных одеждах, восхваляя бледную немочь страданий и молитвенных

бдений. Всюду полыхали костры инквизиции и кричали заживо сгоравшие люди, – две эпохи пока что смыкались одна с другою, и бывало так, что тиран, забрызганный кровью, венчал золотыми лаврами голову поэта, воспевающего великое благо свободы.

Европа жила в постоянном напряжении, среди военных кровопролитий, массовых казней и страшных эпидемий, выживавших страны и города до полного оскудения и безлюдия, когда в опустевших домах поселялись волки и барсуки, а люди прятались в лесах, как звери. Общественная жизнь была проста: человек редко выбивался из своего круга. Но зато сама жизнь требовала небывалого напряжения сил, физических и духовных. Имеющий малые способности развивал их до степени таланта, а талант в неустанном труде восходил к величию гения. Срок жизни был невелик: труд и распутство превосходили всякие меры, и потому человек чаще умирал молодым. Не оттого ли столь сильны были страсти, не потому ли дрались на турнирах, как львы, отбивая перчатку дамы, которая практически мужчине и не нужна. Люди торопились жить и любить, поцелуи женщин, пахнущих острым мускусом, бывали почти болезненны, как укусы рептилий.

Свободна была природа – ее леса, реки, звери и птицы, но человек не был свободен. Европа шумела первобытными дубравами, а за каждым кустом можно было ожидать зверя или разбойника. Даже в больших городах человек жил в постоянном страхе. Люди ходили по улицам с опаскою, испуганно озираясь. Частные дома по ночам запирались, как осажденные крепости. Большое количество слуг и дармоедов – это не признак роскоши, а результат страха. Люди были нужны, чтобы отбить нападение грабителей. В жилищах делали узкие окна, похожие на бойницы, чтобы отстреливаться, сооружали глубокие подземелья, чтобы в них прятаться. Черная магия и ворожба соседствовали с идеями свободомыслия. Города Европы были переполнены хиромантами, шарлатанами, чародеями, алхимиками и продавцами чудесного эликсира вечной молодости... Всем хотелось жить долго, дабы узнать, что будет завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pikul_valentin/psy-gospodni-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)